

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Тематический выпуск журнала посвящен проблемам «диджисовременности» (А. Кибри). Новая цифровая реальность фиксирует более широкую трансформацию современного общества: переопределение границы человеческого, новую субъектность, изменение социальной жизни, переход от групп и сообществ к «сетевым индивидам». Ставшая уже привычной инструментальная зависимость от новых технологий заставляет исследователей выйти за рамки прикладного языка описания, привычных метафор и зафиксировать сложность и противоречивость процессов, происходящих под влиянием цифры в разных сферах общества.

В четвертый номер журнала вошли статьи, исследующие концепт цифровизации в различных сферах общественного развития, а также статьи авторов, чьи доклады прозвучали на XXV Российской научно-практической конференции «Цифровизация как вызов современности: между гуманизацией и дегуманизацией» (12–13 апреля 2023 года).

Право и государство на пути к информационно-цифровой эпохе

УДК 340.11:004
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).01
5.1.1

Субъект права в цифровую эпоху

Сергей Иванович Архипов

ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», Екатеринбург, Россия,
arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Аннотация. В статье анализируются тенденции развития права в цифровую эпоху, позитивные и негативные последствия правовой цифровизации для общества. Рассматриваются предложения отдельных авторов по расширению состава субъектов права, признанию правосубъектности электронных лиц, созданных на основе искусственного интеллекта роботов, иных технических устройств, а также высокоорганизованных животных. Высказываются соображения в пользу сохранения «человеческой природы» субъекта права, в качестве альтернативы включения технических устройств в состав субъектов права предлагается юридически признать (конституировать) особую группу (несколько групп) правовых явлений, для которых характерно совмещение признаков субъекта и объекта права (переходные субъект-объектные состояния). Установить для них особый правовой режим, не связанный с признанием их правосубъектности, наделением субъективными правами и юридическими обязанностями. Их «миссия» в праве должна заключаться в осуществлении технико-вспомогательных, исполнительских функций, задач.

Ключевые слова: субъект права, цифровая эпоха, электронные лица, правовые киборги, квазисубъекты права, правовая гиперреальность

The Subject of Law in the Digital Age

Sergey I. Arkhipov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Abstract. The article analyzes the trends in the development of law in the digital age, the positive and negative consequences of legal digitalization for society. The author considers the proposals of individual authors on expanding the composition of subjects of law, recognizing the legal personality of electronic persons, robots created on the basis of artificial intelligence, other technical devices, as well as highly organized animals. The paper also provides some considerations in favour of preserving the “human nature” of the subject of law. As an alternative to the inclusion of technical devices in the subjects of law, it is proposed to legally recognize (constitute) a special group (several groups) of legal phenomena characterized by the combination of the features of the subject and object of law (transitional subject-object states). Another proposal is to establish a special legal regime for them that is not related to the recognition of their legal personality, the granting of subjective rights and legal obligations. Their “mission” in law should be to perform technical and auxiliary, executive functions, tasks.

Keywords: legal entity, digital age, electronic persons, legal cyborgs, quasi-legal entities, legal hyperreality

Современное российское общество вступило в эпоху глобальных, революционных перемен, которые затрагивают все социальные сферы: государственное управление, науку, образование, культуру, производство, коммерцию, право. Формируется новый технологический уклад, новая – цифровая – реальность и новый социально-правовой порядок. Зарождаются не имеющие аналогов в мировой истории формы правовой коммуникации (с участием электронных агентов, «цифровых двойников», правовых гибридов – киборгов, иных «нечеловеческих» субъектов), начинается процесс трансформации права, отраслевых [Константинов 2022] и общих принципов правового регулирования. В юридической науке происходит критическое переосмысление сформировавшихся на протяжении нескольких столетий представлений о праве, субъектах и объектах, о юридических нормах и правоотношениях и т. д. Как утверждает В. Д. Зорькин, сегодня зарождается новое право – «право второго модерна» [Зорькин 2018].

Если еще двадцать лет назад юристы только начинали размышлять о цифровой революции и ее последствиях для правовой сферы, то в настоящее время цифровые права и формирование новой отрасли цифрового права – это уже реальность. Сегодня речь идет о других, более глобальных, причем не только позитивных, но и негативных последствиях цифровой эпохи для правовой сферы. По мнению Т. Я. Хабриевой, искусственный интеллект претендует на роль не только главного «фигуранта» нового технологического и экономического укладов, но и правового; с юридической точки зрения он рассматривается в трех аспектах (ипостасях): в качестве объекта права, как инструмент правового регулирования и в качестве субъекта права, «как бы это ни шокировало юристов» [Человек и системы ... 2022, с. 78; Хабриева, Черногор 2018, с. 94–98]. Следовательно, итогом цифровой революции может быть не нравственно-правовой прогресс, а дегуманизация права, его инфантилизация (расширение состава субъектов права за счет новых «сущностей»).

Кроме того, в качестве результатов проникновения цифровых технологий в правовую сферу прогнозируются: алгоритмизация права (создание машиночитаемых

нормативных актов), его персонализация (на основе обработки данных о конкретных лицах формулирование адресных – индивидуальных норм и постепенное смещение баланса в их пользу), т. е. утрата важнейшего свойства права – его нормативности; натурализация права (использование в праве разработок нейронауки, создание систем «мозг-компьютер», вживление чипов, позволяющих напрямую воздействовать на сознание и поведение человека, своего рода «прямое правовое регулирование», киборгизация субъектов права); создание институционально-технологической основы правопорядка (глобальной или региональной сети, регулирующей и контролирующей поведение человека как участника правовой коммуникации); сакрализация права (его доступность только «посвященным») [Человек и системы ... 2022, с. 87–95].

Таким образом, существует вероятность осуществления двух принципиально различных сценариев процесса «цифровизации права»: первый предполагает «счастливое правовое будущее человечества», второй – создание общества «цифрового рабства», в котором принципы свободы воли, равенства, справедливости, гуманизма, соблюдения прав человека окажутся на свалке истории. Оптимистам – сторонникам «права второго модерна», продолжения эпохи Просвещения на новом витке истории противостоят пессимисты, прогнозирующие право «цифрового тоталитаризма».

Применительно к субъектам права, их месту и роли в будущем «цифровом» социально-правовом мироустройстве можно отметить следующее: классические представления о субъекте права сегодня подвергаются критике с двух сторон. Во первых, со стороны тех, кто предлагает включить в их состав новых субъектов права, цифровых и иных нечеловеческих «сущностей» (расширить круг субъектов и соответственно пересмотреть представления о них); во-вторых, тех, кто полагает, что нас ждет бессубъектное правовое будущее (право, в котором нет субъектов, нет человека).

К представителям первого направления можно отнести: В. В. Архипова [Архипов, Наумов 2017], А. Вашкевича [Вашкевич 2016], Е. С. Михалева [Михалева, Шубина 2019, с. 31–33], П. М. Морхата [Морхат 2018, с. 341], В. Б. Наумова, О. А. Серову [Серова 2018, с. 22–24], Ф. В. Ужова [Ужов 2017, с. 358–359], Е. А. Шубину, О. А. Ястребова [Ястребов 2018, с. 50] и др.

Что касается второго направления, то, например, В. Н. Синюков утверждает: «Новое право возникает в системе инновационных взаимосвязей технологической сферы, которая приводит к реструктуризации институтов права и правоотношений, а также к формированию новых ценностных свойств права – его... *бессубъектности* (выделено мною. – С. А.), беспредметности»; «если с некоторым упрощением охарактеризовать главную проблему права высоких технологий, то ее можно сформулировать так – продвинутые технологии могут потерять человека. Кроме этого, возникают новые угрозы самого его существования как биологического вида» [Синюков 2021, с. 9, 16].

Многие авторы, отстаивая идею признания искусственного разума в качестве субъекта права, отмечают его способность решать творческие задачи, являющиеся прерогативой человека, в чем-то даже превосходить его, кроме того, самообучаться. О. А. Ястребов полагает, что искусственный интеллект может «логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий» [Ястребов 2018, с. 41]. При этом он признает, что искусственный интеллект не может осознавать себя, не обладает способностью самоидентификации, а также солидарен с И. Маском в том, что технологии искусственного разума несут огромную опасность для человечества. Тем не менее он отстаивает идею признания правосубъектности электронных лиц, создаваемых на основе данной технологии, проводя аналогию между ними и юридическими лицами. Опираясь на теорию Г. Кельзена, он определяет электронное лицо как «персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект, обладающий критериями “разумности”» [Ястребов 2018, с. 36, 50].

Более сложную дефиницию данного субъекта права предлагает П. М. Морхат: «Электронное лицо – это обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) формализованный технико-юридический образ (в значении воспринимаемой и создаваемой третьими лицами целостной информационной проекции), отражающий, воплощающий модальную фреймизацию и детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально (условно) специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов “прав” и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению» [Морхат 2018, с. 341].

В своем определении П. М. Морхат, как и О. А. Ястребов, проводит аналогию между электронным и юридическим лицами, тем самым утверждая сходство, родство их природы. Однако юридическое лицо с точки зрения законодателя (ст. 48 Гражданского кодекса РФ) – это не фикция, а социальная реальность – организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Под организацией традиционно понимается объединение (группа) людей, совместно реализующих определенную цель, программу. У организации вполне человеческий субстрат, не имеющий никакого отношения к тем техническим устройствам, о которых пишет автор данной концепции. У сопоставляемых им «сущностей» совершенно разная «материя», они – из разных миров, технического и социального, поэтому отнесение их к одному классу явлений, по нашему мнению, неверно.

Позицию российского законодателя можно критиковать с другой стороны, указывая на то, что он оценивает юридическое лицо неправовым взглядом. С правовой точки зрения юридическое лицо – это субъект права, а организация – это объект. Проблема в том, что наш законодатель мыслит материалистически, а право – это «мир духа» (Гегель), где ничего «потрогать» и «пощупать» невозможно. Для нашего законодателя человек как физическое лицо и субъект права – это тождественные понятия, поэтому он хоронит вместе с человеческой плотью субъекта права (см. подробнее: [Архипов 2004, с. 266–274; Архипов 2018, с. 84–89]). Для римских же юристов физическая плоть и субъект права – разные «вещи», не случайно они признавали в качестве правовых лиц не только живущих, но и умерших. Наш законодатель пытается оценивать субъектов права юридически, но поскольку его материалистический тип сознания не соответствует предмету, то вместо правового субстрата он оперирует субстратом физическим (людьми, их объединениями, коллективами). Он унаследовал не римское правовое сознание, а германское, которое не могло, по образному выражению Р. Иеринга, мыслить субъекта права «без брюха».

Теория фикции, рожденная в XIX в. германскими правоведами (К. Ф. Савиньи и его последователями, утверждавшими, что только человек является настоящим, реальным субъектом права), представляет собой вывернутый наизнанку материалистический взгляд на правовую материю. Как справедливо отметил И. А. Покровский, она заключает в себе точку зрения «наивного реализма», для которого «реально только то, что более или менее осязаемо» [Покровский 2001, с. 147]. По сути, данная теория признается в своем бессилии объяснить природу юридического лица, у нее нет и не может быть ответа на поставленный вопрос, поскольку в парадигме наивного реализма данная задача нерешаема. По вполне понятным причинам авторы теоретической конструкции электронного лица берут ее за основу с целью доказать родство двух субстанций, но она не способна ни подтвердить, ни опровергнуть наличие такого родства. В их конструкцию вместо электронного лица можно поставить что угодно (например, как предлагал Л. И. Петражицкий, детскую куклу, ветер, колесницу, лешего и т. д.); поскольку

речь идет о фикциях, т. е. вымысле, о несуществующем, то от этой замены ничего не изменится, каждая фикция найдет в ней достойное место.

П. М. Морхат в своем диссертационном исследовании выделяет лишь два концепта природы юридического лица: юридической фикции и технической реальности [Морхат 2018, с. 311–312], однако существуют и другие теории, объясняющие сущность данного феномена. Если не сводить субъектов права к фикциям, а попытаться всё же определить материю, субстанцию юридического лица, чтобы сопоставить его с электронным лицом, то следует обратиться к тем авторам, которые стремятся в рамках теории правовой реальности постичь его природу. Наиболее основательно, на наш взгляд, субстанция юридического лица и механизм его формирования в российской дореволюционной литературе были описаны И. А. Покровским и Н. Л. Дювернуа.

И. А. Покровский отмечал, что юридическое лицо является производным от индивида субъектом права (уже в самом названии его главы, посвященной юридическим лицам, им был сделан важный для юристов акцент – «Проблема производной личности»). Для него юридическая реальность «есть вообще некоторая особая реальность: самый физический человек, превращаясь в юридического субъекта прав, утрачивает в значительной мере свою реальность естественную; для понятия субъекта прав безразличен рост, цвет волос и т. д.» [Покровский 2001, с. 147]. Следовательно, индивид как субъект права – это не физическая субстанция, а совокупность правовых качеств человека, его правовая воля, субъективные права, юридические обязанности (правоотношения), акты их реализации и т. д. Юридическое лицо создается индивидом (одним или многими) посредством *юридической эманации* [Там же, с. 151], т. е. передачи некоторых своих качеств, своего имущества производной от него личности. По мнению И. А. Покровского, юридическое лицо не есть нечто мертвое и безжизненное, оно представляет собой живую клеточку социально-правового организма.

Человек в праве посредством механизма эманации способен создать бесконечное количество новых субъектов – юридических лиц. Он не просто одевает «правовые маски» для осуществления разнообразных социально-правовых целей, но и субстанционально «размножается», «расщепляется» в коммуникативно-правовом смысле, делит свою правовую материю на множество обособленных частей. Так, юрист, создающий производную личность в целях осуществления им правовых услуг гражданам или компаниям, передает ей не только принадлежащее ему имущество, но и отдельные свои правовые навыки, умения, опыт составления проектов договоров, представительства в суде, свою деловую репутацию, клиентуру, связи и т. д. В результате эманации происходит юридическое отчуждение части правового субстрата человека. Этот субстрат – не фикции, не виртуальные образы, а с юридической точки зрения вполне реальные, «осязаемые» в правовом смысле «вещи». Для клиентов практикующего юриста не имеет принципиального значения, осуществляет ли он свои услуги как индивид или от имени юридического лица, поскольку они за внешней правовой формой видят не пустоту (фикцию), а обособившуюся правовую личность человека (или множества человеческих личностей).

Если следовать концепции И. А. Покровского и Н. Л. Дювернуа [Дювернуа 1895], то надо признать, что каждое юридическое лицо, как и индивид, оригинально, неповторимо, так как за его оболочкой скрывается реальное, эксклюзивное правовое содержание. Изменение персонала, его квалификации, появление новых работников или изменение состава участников, видов деятельности, осуществляемых юридическим лицом, оказывает влияние на его правовую субстанцию, на характер и содержание внутриорганизационных и внешних правовых отношений, состав субъективных прав и юридических обязанностей, на качество работ и услуг, на деловую репутацию и т. д. Юридические лица также самобытны в правовом отношении, как и их «доноры», у которых они унаследовали их правовые свойства, качества.

Данный вывод, на наш взгляд, распространим и на публично-правовых субъектов права, на государство, муниципальные образования. Каждое государство с правовой

точки зрения уникально, в основе его правовой личности лежит институт гражданства. Государство заимствует у своих граждан не только их имущество (посредством налогов и сборов), но и их правовую культуру, правовые традиции, правовую волю, правовые идеалы, другие правовые качества, оно живет их правовым сознанием, их правовой деятельностью, активностью.

Таким образом, юридические лица, в том числе публично-правовые, есть не лишённые содержания, голые юридические формы, а сгустки правового сознания человека, его особых правовых качеств, свойств, интересов, потребностей. Субъект права (индивид, юридическое лицо, государство) – это культурно-историческое явление, отдельный нравственно-правовой мир, воплощающий в себе жизненный опыт коммуникативно-правового общения, сформировавшуюся систему правовых ценностей, национально-правовые традиции, обычаи, осознание человеком (людьми) своего места, роли в социально-правовом мире.

Применение к государству как юридическому лицу, а равно к частным корпорациям, теории фикции, как предлагают сторонники концепта электронного лица, абсурдно. Если государство с правовой точки зрения фиктивный субъект, то рушатся практически все ключевые теории, разработанные публично-правовыми науками (наукой конституционного права, административного, финансового, уголовного и т. д.). Какое может быть административное устройство у фикции, какой суверенитет, какая воля, какое разделение властей, к чему прилагать теорию правового государства? Напомним, что римские юристы разрабатывали конструкцию юридического лица прежде всего применительно к государству и муниципиям. Для них государство как юридическое лицо – это казна, обособленное имущество, не принадлежащее индивиду, т. е. реально существующий имущественный комплекс. Они были правовыми реалистами – прагматиками. Если в современном правовом мире в целях нормативного регулирования внутрисоциальных и внутриорганизационных корпоративных отношений взять за основу теорию фикции юридического лица, то следствием данного выбора будет исчезновение предмета не только у публично-правовых наук (их надо будет «закрывать»), но и в значительной степени у частноправовых (какая может быть организационно-правовая форма и внутренняя структура у фикции, какие права, обязанности, имущество, деловая репутация и т. д.?).

На наш взгляд, теория фикции юридического лица – это антиправовое учение, не отражающее правовых реалий, своего рода «троянский конь» в системе гражданско-правовых и публично-правовых представлений, не объясняющее природу юридического лица и не способствующее развитию данного института.

Следует отметить, что не только сторонники идеи признания правосубъектности электронных лиц пытаются обосновать свою позицию, проводя аналогию с юридическими лицами. Данный аргумент активно используется защитниками животных, а также природных объектов. Так, например, одна из рек Новой Зеландии признана законодателем в 2017 г. юридическим лицом по требованию племени маори; участвовавший в переговорах по этому вопросу новозеландский министр Крис Финлейсом заявил, что река «Уангануи получит правовую идентичность со всеми соответствующими правами и обязанностями субъекта права. Я знаю, что многим покажется странным объявление природного ресурса юридическим лицом, но это ведь возможно для семейных трастов, компаний и различных сообществ» [Новозеландской реке ... 2017]. Ранее (в 2014 г.) в Новой Зеландии статус юридического лица получил национальный парк Те Урюэра. Вдохновленный примером Новой Зеландии суд индийского штата Уттаракханд принял решение о признании священных рек Ганг и Ямуна «живыми существами, имеющими статус юридического лица», наделении их соответствующими правами [Индийский суд признал реки ... 2017].

Наступление цифровой эпохи в современном мире совпало с беспрецедентным кризисом западной правовой системы, «правовых ценностей и правовой мысли, кризисом, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так на-

зываемые либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка» [Берман 1998, с. 48], и данное обстоятельство еще больше усложняет задачу, стоящую перед отечественной юридической наукой, по выбору стратегии правового развития страны, по определению места и роли субъекта права в нашем будущем социально-правовом мироустройстве. Российским юристам необходимо критически переосмыслить систему западных представлений, при этом обратить особое внимание на существующую концепцию субъекта права, определить соответствующий нашим историческим традициям, культуре вектор дальнейшего развития правовой личности.

Истоки современных западных представлений о субъекте права следует искать в античности. В римском праве субъект прежде всего рассматривался как имущественный центр. Высшей ценностью для античного сознания была не человеческая личность, ее качества, а имущество, вещи. Как отмечал Р. Иеринг, «основатели Рима – разбойники и искатели приключений... они представляют скопище индивидуумов, атомов, ничем не соединенных, кроме своего неукротимого духа и общей цели грабежа» [Иеринг 1875, с. 82]. Идея завладения чужим имуществом, его захвата и юридического присвоения лежала в основе зарождающегося римского права, всего социально-правового уклада Древнего Рима. Она определила фигуру субъекта права, причем не только индивида, но и государства. «Res publica, по позднему пониманию государства представляемая личностью, первоначально означает поэтому только то, что всем обще, res publicae – отдельные вещи политического сотоварищества, например общественные дороги, места и т. д., на которые каждый имеет равное право» [Там же, с. 181], т. е. сначала была общая собственность, а затем – римское государство как самостоятельная правовая личность. Субъект права в Древнем Риме «вырастал» из собственности, был произведен от нее: малолетние признавались субъектами права во имя собственности, безвестно отсутствующие долгое время «числились» субъектами права в интересах сохранения собственности, государство понималось как обособленное от индивидов имущество – казна, лежачее наследство как юридическое лицо и т. д. Между субъектом и объектом права, вещью не было непреодолимой стены, субъект мог трансформироваться в объект (продажа себя в долговое рабство, плен и т. д.), а объект – в субъект.

В эпоху Просвещения полюса меняются, высшей ценностью становится человеческая личность («Будь лицом и уважай других в качестве лиц»), ценность вещи уходит на второй план, при этом фигура лица – правового атома не исчезла. Главным качеством субъекта права была признана свободная воля лица, которая провозглашена всеобщим принципом. Она неотчуждаема, все остальные внутренние качества человека, его таланты, знания, умения и т. д. могут быть предметом договора, становиться внешними вещами, отчуждаться [Гегель 1990, с. 102], но сама воля не зависит от произвола законодателя, она неприкосновенна, образует стержень субъекта права. Воля должна быть разумной, произвол – это случайное влечение воли, он «есть не воля в ее истине, а воля в качестве *противоречия*» [Там же, с. 80].

Главная проблема западного сознания, как было подмечено многими российскими дореволюционными правоведами и философами, заключается в индивидуализме. Если Древний Рим был «скопищем атомов» (Иеринг), то таким же собранием атомов является современный западный мир. Его сверхидеей провозглашена свобода, но свобода не позитивная, не объединяющая субъектов в единое правовое целое, а негативная – «свободой от» («свобода каждого заканчивается там, где начинается свобода другого»). Право же как коммуникативная система предполагает не отчуждение, не обособление субъектов друг от друга, а их взаимодействие: покупатель осуществляет свой интерес не сам, а посредством продавца, арендатор – посредством арендодателя, работник – работодателя и т. д. Для российской юридической науки, находящейся на цивилизационной развилке, важно понять, каким должно быть наше правовое будущее: правовой мир западного типа, состоящий из социальных атомов, стремящихся к обособлению, или мир правовых деятелей, нацеленных на совместное социально-правовое созидание.

Техносознание восприняло идею разумности субъекта права, пытаясь приложить ее к новым «сущностям», но при этом игнорируя то главное, что заключено в правовых концепциях просветителей, Канта, Гегеля. У них речь идет не о разуме в техническом смысле, не об алгоритмах, предустановленных программах действий или о природном разуме высокоорганизованных животных. Разум субъекта права – это нечто другое, проявляющее себя в социально-правовом общении, в коммуникативно-правовом взаимодействии. В основе его лежит уникальный культурно-нравственный код человека, его личностное восприятие права, окружающего мира, сформировавшаяся в сознании система ценностей, правовых идеалов. Каждый человек, как подметил Гегель, обладает собственными критериями правового/неправового, особым внутренним отношением к праву.

Для нас важно не только сохранить ту нравственно-правовую идею, которая была заключена в фигуре субъекта права в эпоху Просвещения, но и максимально способствовать ее развитию и практическому осуществлению. Российской юридической науке необходимо осмыслить опыт западной цивилизации, которая достигла, по утверждению А. Тойнби, громадного прогресса в технической сфере, но при этом существенно отстала в нравственном развитии, тем самым создала проблему рисков глобального масштаба [Тойнби 1991, с. 245]. Западный человек (*Homo Occidentalis*) получил власть над природой, достиг мирового господства, но не изменился в нравственно-правовом отношении. Сегодня он представляет реальную угрозу для всего человечества и для себя самого.

В отечественном правоведении есть еще немало сторонников классического подхода к пониманию субъекта права, оценивающих скептически перспективу расширения состава участников правового общения за счет «нечеловеческих сущностей» (см., например: [Березина 2023, с. 82; Пономарева 2020, с. 65–80; Семитко 2018; Семитко 2023, с. 220–223; Чаннов 2022, с. 105 и др.]), однако среди российских юристов все чаще звучат голоса в пользу признания правосубъектности электронных лиц, а также высокоорганизованных животных. Они призывают к правовому разуму нашего законодателя, забывая о том, что в законодательном корпусе большинство составляют те, кто не имеет отношения к юридической профессии.

Поскольку нет уверенности в том, что наш законодатель не пойдет по пути своих коллег из Новой Зеландии, то ему в качестве альтернативы можно предложить создать особую группу (или несколько групп, видов) «правовых сущностей» – ни субъектов, ни объектов права, а переходных субъект-объектных состояний, не обладающих правосубъектностью в ее традиционном понимании, соответственно, не наделяемых субъективными правами, юридическими обязанностями, не несущими юридической ответственности. Их «миссия» в праве должна, на наш взгляд, заключаться в осуществлении технико-вспомогательных, исполнительских функций, задач. Речь идет не о создании решающей правовой инстанции, способной генерировать и выражать собственную правовую волю, а о служебной. Как двести лет назад вынужден был поступить И. Кант, который во имя спасения своей позитивной идеи всеобщего мира, «чтобы не все было потеряно», согласился на приемлемый для мирового сообщества «негативный суррогат» [Кант 1994, с. 22], так и нашему законодателю для спасения классических субъектов права целесообразно поступить аналогичным образом. Насколько жизнеспособны в праве окажутся новые «правовые субстанции» – покажет время, но сегодня для нас главное – сохранить человеческую сущность субъекта права.

Список источников

- Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
- Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.

- Архипов С. И. Субъекты права: теоретико-методологические проблемы : учебное пособие по дисциплине «Современные проблемы юридической науки» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» (степень магистр). Екатеринбург : Уральский гос. юридический ун-т, 2018. 164 с.
- Березина Е. А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 7. С. 71–85. DOI 10.17803/1994-1471.2023.152.7.071-085.
- Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М – Норма, 1998. 624 с.
- Вашкевич А. Юридические электронные лица. Юрист Антон Вашкевич о будущем децентрализованных автономных организаций // Ведомости. 2016. 22 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/23/641943-yuridicheskie-elektronnie-litsa?ysclid=ln7ftckuzr228424919> (дата обращения: 30.09.2023).
- Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.
- Дювернуа Н. Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Введение и часть общая (учение о лицах). 2-е изд. СПб. : Типо-лит. А. Е. Ландау, 1895. 544 с.
- Зорькин В. Д. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. 29.05.2018 (№ 115 (7578)). URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 30.09.2023).
- Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития : пер. с 3-го испр. нем. изд. Ч. 1. СПб. : тип. В. Безобразова и Ко., 1875. 309 с.
- Индийский суд признал реки Ганг и Ямуна юридическими лицами // Росбалт : сайт. 21.03.2017. URL: <https://www.rosbalt.ru/style/2017/03/21/1600674html?ysclid=lnhx2y1sb9806234103> (дата обращения: 30.09.2023).
- Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. : юбилейное издание 1794–1994 : пер. с нем. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.
- Константинов П. Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции) : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. Екатеринбург, 2022. 351 с.
- Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 26–35. DOI 10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035.
- Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович ; [Место защиты: Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности]. М., 2018. 420 с.
- Новозеландской реке впервые в мире присвоили статус юридического лица // ИА Регнум : сайт. 15.03.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2250008?ysclid=lnhvrxzfw725691998> (дата обращения: 30.09.2023).
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М. : Статут, 2001. 354 с.
- Пономарева Е. В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 160 с.
- Семитко А. П. Жизнь и судьба субъекта права. Рец. на кн. : Архипов С.И. Субъекты права: теоретико-методологические проблемы : учебное пособие. – Екатеринбург : Изд. дом Уральского государственного юридического ун-та, 2018. – 164 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 1. С. 80–84.
- Семитко А. П. Право и права в цифровую эпоху // Цифровизация как вызов современности: между гуманизацией и дегуманизацией : сборник материалов и докладов XXV российской науч.-практ. конференции с междунар. участием (Екатеринбург, 12–13 апреля 2023 г.) / редкол.: Л. А. Закс и др. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. С. 214–225.

- Серова О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22–24. DOI 10.18572/2070-2140-2018-3-22-24.
- Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74, № 2. С. 9–20. DOI 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории : пер. с англ. М. : Прогресс, 1991. 731 с.
- Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. DOI 10.12737/art_2018_1_7.
- Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12 (145). С. 94–109.
- Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.] ; под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. СПб. : Юридический центр, 2022. 328 с.
- Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 36–55.

Информация об авторе

Сергей Иванович Архипов, д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Sergey I. Arkhipov, Dr. Sci. (Law), Professor at the Theory of State and Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 01.10.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 17.10.2023.